

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1920-е гг.: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2020 г. А. Г. Манаков*

Псковский государственный университет, Псков, Россия

**E-mail: region-psk@yandex.ru*

Поступила в редакцию 06.04.2020 г.

После доработки 23.04.2020 г.

Принята к публикации 23.04.2020 г.

Национально-государственное размежевание Центральной Азии, осуществленное около века назад, задало основные тренды в трансформации этнокультурного пространства макрорегиона почти на весь советский период. Некоторые из этих трендов сохранились и в постсоветское время. Для их изучения можно опираться на современные концепции отечественной культурной географии: геоэтнокультурных систем, этноконтактных зон, этнокультурного пространства и др. В ходе исследования выделены основные компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства Казахстана и республик Средней Азии по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Дана оценка влияния национально-государственного размежевания Центральной Азии первой половины 1920-х гг. на трансформацию этнокультурного пространства макрорегиона. Выявлены административно-территориальные ячейки, сохранившие свою полиэтничность после размежевания, а также “спорные” территории, поменявшие свою республиканскую принадлежность при последующих государственно-территориальных преобразованиях.

Ключевые слова: Центральная Азия, национально-государственное размежевание, этнокультурное пространство, геоэтнокультурные системы, этноконтактные зоны

DOI: 10.31857/S0869607120020044

ВВЕДЕНИЕ

Современные границы между государствами Центральной Азии являются продуктом национально-государственного размежевания Средней Азии, осуществленного в СССР в 20–30-е гг. XX в. Тогда же были заданы новые тренды в трансформации этнокультурного пространства Центрально-Азиатского (Казахстанско-Среднеазиатского) региона, сохранявшие свою силу на протяжении большей части советского периода истории макрорегиона. Не утратили они свое значение и в постсоветское время. Не случайно, что в последнее время вновь возник интерес к изучению национально-государственного размежевания территорий макрорегиона, состоявшегося почти век назад, но уже с современных позиций, а именно с точки зрения нового государственного строительства на постсоветском пространстве, которое, в частности, включает переосмысление советского периода истории и формирование новой национальной идентичности в молодых государствах. Тем не менее, именно национально-государственное размежевание Центральной Азии, осуществленное в 1920-е гг., фактически дало

начало процессу сложения новых наций, переформатировав под это этнокультурное пространство макрорегиона.

Цель настоящего исследования — оценка результатов национально-государственного размежевания в Центральной Азии в первой половине 1920-х гг. с позиций этнокультурной географии, опирающейся на концепции геоэтнокультурных систем и этнокультурного пространства.

Объектом исследования является этнокультурное пространство Центральной Азии по состоянию на 1926 г., т.е. по итогам Всесоюзной переписи населения, которая подвела первые итоги национально-государственного размежевания в пределах данного макрорегиона.

Предметом исследования выступают основные компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства Центральной Азии в середине 1920-х гг., выделенные с помощью методик, разработанных в отечественной культурной географии.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Изучению национально-государственного размежевания в 1920-е гг. в Центральной Азии посвящено большое количество научных трудов. По этой теме написаны докторские и кандидатские диссертации, подготовлены научные монографии и сборники статей, а также многочисленные статьи в научных журналах. Так, например, общие вопросы национально-территориального размежевания в Средней Азии в 1920-е гг. и связанные с ним проблемы спорных территорий рассмотрены в работах М.У. Алимадонова [4], И.Б. Бочкаревой [5] и С.С. Исмаилова [8] (в т.ч. с соавторами [7]). Вопросам разграничения территорий в первой половине 1920-х гг. при создании Казахской автономии посвящены работы С.Н. Алибека [3] и К.Б. Корженевского [11, 12]. Сложность процесса национально-территориального размежевания, вызванная проблемами проведения границ между этническими ареалами проживания узбеков, киргизов и таджиков, в особенности, в Ферганской долине, рассмотрена в сборниках научных статей [22, 25], монографии Н.А. Зотовой [6], в работах С.Н. Абашина с соавторами [22] и С.К. Аламанова, где представлены результаты изучения этнических анклавов в Центральной Азии [2].

К периоду национально-государственного размежевания Центральной Азии обращаются ныне и зарубежные исследователи. В первую очередь, появление независимых республик породило интерес западных ученых к вопросам формирования народов Центральной Азии и их национальной идентичности. Так, например, Г. Убириа (Австралия) [27] высказывает даже такое суждение, что казахский и узбекский народы являются искусственными конструкциями советских политиков 1920-х и 1930-х гг. Эта тема затронута также в кратком историографическом очерке о формировании национальной идентичности казахов, представленном С. Есеновой (Канада) [24], и в статье, посвященной современной туркменской идентичности, которая, по мнению А. Куру (США) [26], является “социально структурированной”. Другими словами, именно политические границы, появившиеся после национально-государственного размежевания Центральной Азии, стали основой для формирования титульных народов республик (или же “социалистических наций” макрорегиона).

Итоги историко-этнографических исследований на территории Средней Азии и Казахстана, включая период 1920-х гг., освещены в работах С.П. Полякова [18, 19], К.М. Маметемина [17] и К.Д. Саиповой [20]. К.С. Калиева осуществила подробный анализ итогов переписей населения Казахстана с 1897 по 1926 гг. [10]. С.Н. Абашин [1] внес вклад в изучение одной из наиболее острых проблем формирования “социалистических наций” в Средней Азии, в результате чего произошла утрата этнонима “сарты”. Сарты, будучи тюркоязычным народом, имеющим таджикские корни, в процессе национально-государственного размежевания были приписаны к “узбекской

нации". Изучению трансформации этнической структуры населения Кыргызстана, включая раннесоветский период, посвящена работа А.Т. Кушубекова [13].

Таким образом, большинство исследований по данной тематике имеет историко-политическую и историко-этнографическую направленность. При этом изучение последствий национально-государственного размежевания Центральной Азии фактически выпало из поля зрения географической науки. Между тем, оно может представлять интерес не только с позиции этногеодемографии и этнической географии, но и с точки зрения культурной географии, являющейся относительно молодым направлением отечественной науки.

МЕТОДИКА И ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В отечественной культурной географии в последние десятилетия разработан целый ряд концепций и методик, которые позволяют по-новому взглянуть на казалось бы хорошо изученные этнокультурные и этнодемографические процессы на территории современных государств Центральной Азии. В частности, это концепции геоэтнокультурных систем (ГЭКС) [21], этноконтактных зон, геокультурного (в т.ч. этнокультурного) пространства и др. [16]. Ранее нами была разработана методика изучения этнокультурного пространства Средней Азии и Казахстана, включающая выделение основных компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства макрорегиона по итогам переписей населения 1959, 1970 и 1989 гг. [14, 15].

В данной статье представлены результаты аналогичного исследования по итогам переписи населения 1926 г., что, в частности, позволяет оценить влияние национально-государственного размежевания Средней Азии на этническую мозаичность населения на уровне административно-территориальных ячеек макрорегиона. В качестве информационной базы исследования выступают итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г., размещенные на сайте Demoscope.ru¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 1920 г. на территории степных губерний, заселенных киргиз-кайсаками (ныне казахами) была образована Киргизская АССР в составе РСФСР. Столицей Киргизской АССР стал г. Оренбург. В 1925 г. Киргизская АССР была переименована в Казакскую АССР. Ее территория расширилась на юге за счет Сыр-Дарьинской и Джетысуйской (Семиреченской) губерний, ранее входивших в состав Туркестанской АССР. Столицей Казакской АССР стал г. Кызыл-Орда (ранее Ак-Мечеть, Перовск) [9, с. 139]. В 1926 г. Казакская АССР включала шесть губерний (Акмолинскую, Актюбинскую, Джетысуйскую, Семипалатинскую, Сыр-Дарьинскую, Уральскую), а также отдельно Кустанайский округ и Кара-Калпакскую АО, образованную в 1925 г. (центр – Турткуль).

В 1924 г. началось национально-государственное размежевание собственно территории Средней Азии (Туркестана). Вплоть до 1924 г. здесь существовали две советские республики (Хорезмская и Бухарская НСР, получившие перед упразднением статус ССР) и Туркестанская АССР, входившая в РСФСР. Туркестанская АССР охватывала современные территории Кыргызстана, юга Казахстана, севера Узбекистана, севера и востока Таджикистана, большую часть территории современного Туркменистана.

В первую очередь, в 1924 г. были расформированы Туркестанская АССР, Бухарская и Хорезмская ССР. На их территориях были образованы Узбекская ССР (включающая Таджикскую АССР) и Туркменская ССР. Столицей Узбекской ССР стал г. Са-

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 15.03.2020); Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам республик СССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php (дата обращения: 15.03.2020).

марканд, а Туркменской ССР — г. Полторацк (до 1919 г. Асхабад, ныне Ашхабад). Северные части упраздненной Туркестанской АССР, как было отмечено выше, были включены в состав Киргизской АССР, оставшейся в составе РСФСР.

Также в 1924 г. была выделена Кара-Киргизская АО, которая стала подчиняться непосредственно РСФСР. А в 1925 г. она стала именоваться Киргизской АО (в это же время Киргизская АССР, коренное население которой стали называть казаками (казахами), была переименована в Казакскую АССР). В 1926 г. Киргизская АО получила статус АССР (столица — г. Пишпек) [9, с. 149]. В Таджикской АССР (столица — Дюшамбе), оставшейся в составе Узбекской ССР, в 1925 г. была образована Автономная область Горного Бадахшана (центр — г. Хорог).

Национальная статистика по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. представлена на уровне губерний (а также Кустанайского округа, Кара-Калпакской АО и Адаевского уезда) Казакской АССР, округов Узбекской и Туркменской ССР, и в целом по Киргизской и Таджикской АССР. Именно по этим административно-территориальным ячейкам был рассчитан индекс этнической мозаичности (ИЭМ), позволяющий разделить их по степени полиэтничности, в частности, выделить моноэтнические территории, слабо и ярко выраженные этноконтактные зоны (рис. 1).

Как видно на рис. 1, наиболее полиэтничные территории и ярко выраженные этноконтактные зоны покрывают фактически всю территорию Казакской АССР (исключение — моноэтнический Адаевский уезд), Киргизскую АССР и лишь части территорий Узбекской и Туркменской ССР. Остальная часть территорий двух названных ССР, а также Таджикская АССР, представляют собой слабо выраженные этноконтактные зоны (моноэтническим является только небольшой Хорезмский округ Узбекской ССР). Если повышенная полиэтничность Казакской и Киргизской АССР, а также частично Туркменской ССР, объясняется высокой долей русских (и украинцев) в структуре населения этих республик, то сохранение ярко выраженных этноконтактных зон после национально-государственного размежевания на территории Узбекской ССР связано со сложностью самого процесса национально-территориального размежевания, вызванного чересполосным проживанием народов, наличием этнически спорных территорий, иноязычных анклавов и т.п. Тем не менее, процесс национально-государственного размежевания привел к заметному уменьшению этнической мозаичности административно-территориальных единиц Узбекской ССР по сравнению, например, с итогами переписи населения 1897 г., когда фактически всю будущую территорию Узбекистана покрывали ярко выраженные этноконтактные зоны.

В первую очередь, можно рассмотреть влияние на полиэтничность территорий русской составляющей этнического пространства макрорегиона. В 1926 г. русские составляли 12.5% всего населения (третье место среди этнических групп макрорегиона), что более чем в 1.5 раза превышало долю русских в Средне-Азиатских владениях Российской империи по итогам переписи населения 1897 г. (7.6%). Русское население концентрировалось на севере и востоке Казакской АССР (особенно в Акмолинской и Семипалатинской губерниях, где превышало 30% всего населения), а также составляло заметную долю в Киргизской АССР, Ташкентском округе Узбекской ССР и Полторацком округе Туркменской ССР (свыше 10%). На остальных территориях Средней Азии доля русских была невысокой, то есть полиэтничность не обозначенных административно-территориальных ячеек макрорегиона была связана с наличием там других этнических групп.

Свой вклад в повышение полиэтничности северной части современной территории Казахстана внесли также украинцы и белорусы — два других восточнославянских народа, заметно пополнивших здесь русскоязычное население. Особенно это касалось украинцев, в 1926 г. составивших 7% населения макрорегиона и вышедших в его пределах на пятое место среди этнических групп. Наибольший процент украинцев был зафиксирован в 1926 г. в Кустанайском округе (41.3%) и Акмолинской губернии

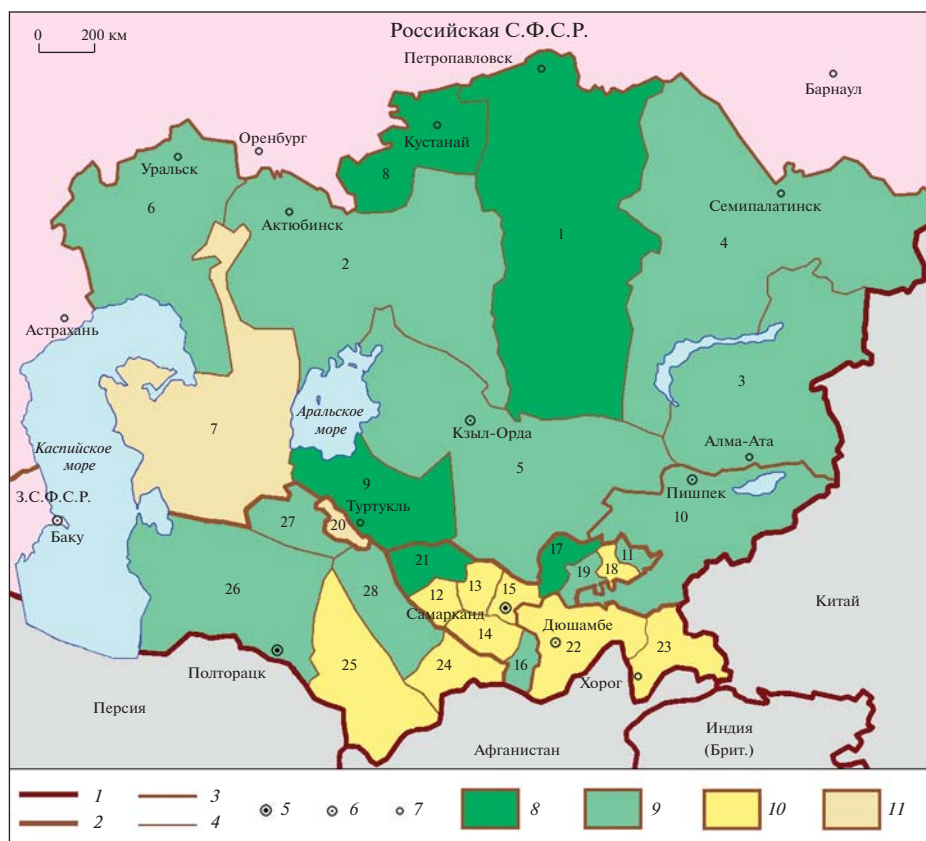

Рис. 1. Индекс этнической мозаичности по результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Границы на 1926 г.: 1 – государств, 2 – ССР, 3 – АССР, 4 – губерний Казахской АССР, округов Узбекской и Туркменской ССР, автономных областей Казахской и Таджикской АССР; 5 – столицы ССР; 6 – столицы АССР; 7 – центры губерний и автономных областей; величина индекса этнической мозаичности: 8 – 0.6 и более (наиболее полиэтничные территории), 9 – от 0.4 до 0.6 (ярко выраженные этноконтактные зоны), 10 – от 0.2 до 0.4 (слабо выраженные этноконтактные зоны), 11 – менее 0.2 (моноэтнические территории). Цифрами обозначены губернии Казахской АССР: 1 – Акмолинская, 2 – Актюбинская, 3 – Джетысуйская, 4 – Семипалатинская, 5 – Сыр-Дарьинская; 6 – Уральская; 7 – Адаевский уезд; 8 – Кустанайский округ; 9 – Кара-Калпакская АО; 10 – Киргизская АССР; округа Узбекской ССР: 11 – Андижанский, 12 – Бухарский, 13 – Зеравшанский, 14 – Кашка-Дарьинский, 15 – Самаркандский, 16 – Сурхан-Дарьинский, 17 – Ташкентский, 18 – Ферганский, 19 – Ходжентский, 20 – Хорезмский; 21 – Канимехский район; 22 – Таджикская АССР (в составе Узбекской ССР), в т.ч. 23 – АО Горного Бадахшана; округа Туркменской ССР: 24 – Керкинский, 25 – Мервский, 26 – Полторацкий, 27 – Ташаузский, 28 – Чарджуйский.

Fig. 1. Ethnic mosaic index according to the results of the All-Union population census of 1926 Borders for 1926: 1 – states, 2 – SSR (Soviet Socialist Republic), 3 – ASSR (Autonomous Soviet Socialist Republic), 4 – provinces of the Kazakh ASSR, districts of the Uzbek and Turkmen SSR, Autonomous Regions of the Kazakh and Tajik ASSR; 5 – capitals of the SSR; 6 – capitals of the ASSR; 7 – centers of provinces and AR (Autonomous Regions); the value of the ethnic mosaic index: 8 – 0.6 or more (the most multi-ethnic territories), 9 – from 0.4 to 0.6 (strongly marked ethno-contact zones), 10 – from 0.2 to 0.4 (low marked ethno-contact zones), 11 – less than 0.2 (mono-ethnic territories). The numbers indicate the provinces of the Kazakh ASSR: 1 – Akmola, 2 – Aktyubinsk, 3 – Dzhetyysuyskaya, 4 – Semipalatinsk, 5 – Syr-Darinskaya; 6 – Uralsk; 7 – Adaevsky district; 8 – Kustanai Okrug; 9 – Kara-Kalpak AR; 10 – Kyrgyz ASSR; the districts of the Uzbek SSR: 11 – Andijan, 12 – Bukhara, 13 – Zeravshan, 14 – Kashka-Daryinsky, 15 – Samarkand, 16 – Surkhan-Darinsky, 17 – Tashkent, 18 – Fergana, 19 – Khojent, 20 – Khorezm; 21 – Kanimekhsky district; 22 – Tajik ASSR (as a part of the Uzbek SSR), including 23 – AR Gorny Badakhshan; the districts of the Turkmen SSR: 24 – Kerkinsky, 25 – Mervsky, 26 – Poltoratsk, 27 – Tashauz, 28 – Chardzhui.

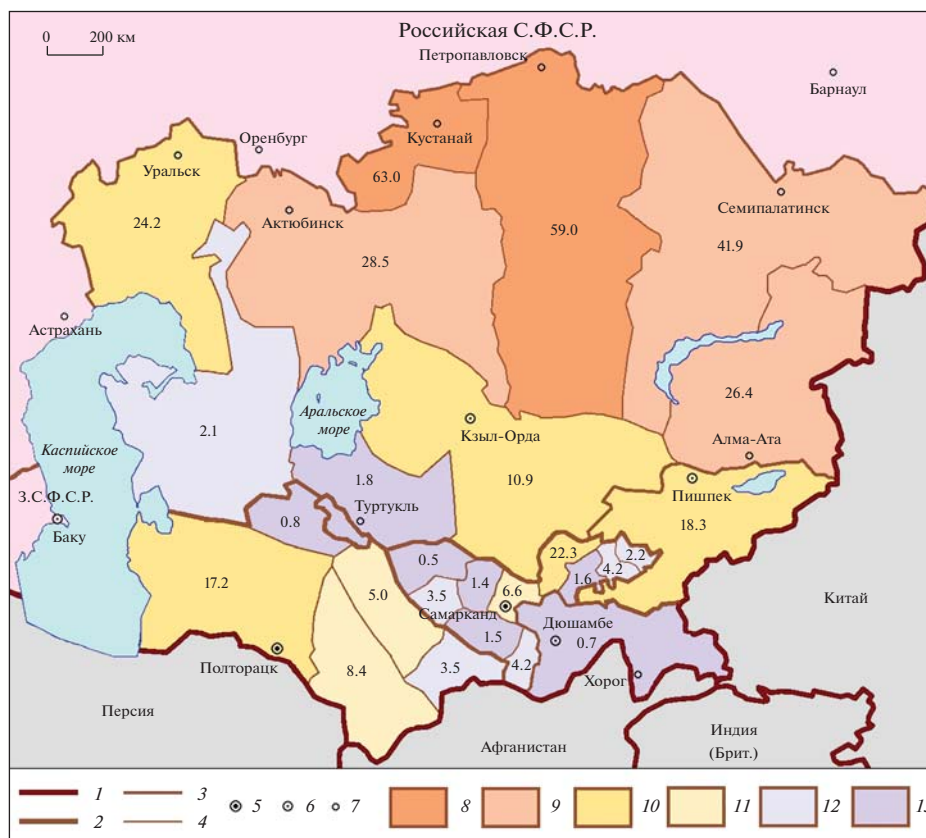

Рис. 2. Доля восточнославянского населения (русских, украинцев и белорусов в сумме) по результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Границы на 1926 г.: 1 – государств, 2 – ССР, 3 – АССР, 4 – губерний Казакской АССР, округов Узбекской и Туркменской ССР, автономных областей Казакской и Таджикской АССР; 5 – столицы ССР; 6 – столицы АССР; 7 – центры губерний и автономных областей; доля восточнославянского населения (русских, украинцев и белорусов в сумме): 8 – свыше 50%, 9 – от 25 до 50%, 10 – от 10 до 25%, 11 – от 5 до 10%, 12 – от 2 до 5%, 13 – менее 2%.

Fig. 2. The share of the East Slavic population (Russians, Ukrainians and Belarusians in total) according to the results of the 1926 All-Union population census Borders for 1926: 1 – states, 2 – SSR, 3 – ASSR, 4 – provinces of the Kazakh ASSR, districts of the Uzbek and Turkmen SSR, Autonomous Regions of the Kazakh and Tajik ASSR; 5 – capital of the SSR; 6 – capitals of the ASSR; 7 – centers of provinces and Autonomous Regions; the share of the East Slavic population (Russians, Ukrainians, and Belarusians in total): 8 – over 50%, 9 – from 25 to 50%, 10 – from 10 to 25%, 11 – from 5 to 10%, 12 – from 2 to 5%, 13 – less than 2%.

(25.8%) Казакской АССР. Еще в трех губерниях АССР их доля превышала 10%. Суммарная доля восточнославянского населения на территории макрорегиона представлена на рис. 2. Данная карта иллюстрирует главную причину полиэтничности населения большей части Казакской АССР, за исключением ее южных окраин. Также становится понятным перенос столицы Казакской АССР в г. Кзыл-Орду, т.е. на территорию, наименее подверженную русской и украинской колонизации.

В ходе национально-государственного размежевания Средней Азии была поставлена достаточно сложная задача – распределение основных народов по собственным

национальным образованиям (ССР, АССР и АО). Насколько это удалось осуществить, можно увидеть на карте, где отображена доля титульных народов в населении административно-территориальных единиц АССР и ССР (рис. 3). По итогам переписи 1926 г., общая численность населения макрорегиона составляла 13 млн 734 тыс. чел. На первом месте среди титульных народов Средней Азии были узбеки (3.9 млн чел., или 28.4% всего населения макрорегиона), им лишь немного уступали казахи (3 млн 832 тыс. чел., 27.9%). Далее, с большим отрывом следовали таджики (971 тыс. чел., или 7.07%), киргизы (762 тыс. чел., 5.55%), туркмены (756 тыс. чел., 5.5%) и каракалпаки (146 тыс. чел., 1.07%).

Понятно, что в условиях полиэтничности населения макрорегиона крайне трудно было добиться моноэтничности административно-территориальных единиц республик, т.е. где доля титульных народов превышала бы 90%. Этого удалось добиться только при выделении уже отмеченных выше Адаевского уезда Казакской АССР и Хорезмского округа Узбекской ССР. Но в значительной части административных единиц все же удалось заметно снизить долю иноязычного населения, хотя и достигалось это путем создания этнических анклавов и большой изрезанности республиканских границ [2]. Особенно это касалось Ферганской долины, поделенной между двумя республиками (Узбекской ССР и Киргизской АССР), хотя явно напрашивалась необходимость в ее разделении между тремя “титульными нациями” (т.е. еще и таджиками), что и было осуществлено при создании Таджикской ССР в 1929 г. Именно тогда в состав Таджикской ССР был передан Ходжентский округ из Узбекской ССР.

Кроме Ходжентского округа, где таджики составляли 57.7% населения, в Узбекской ССР было еще два округа, где узбеки составляли менее половины населения. Во-первых, это Ташкентский округ, где значительную часть населения составляли казахи (12.9%), русские и украинцы (в сумме 22.3%). Причем известно, что еще в 1924 г. Ташкент вместе со своим уездом мог бы быть включенным в состав Киргизской АССР, на чем настаивали представители этой республики. Так, к началу 1920-х гг. в Ташкентском уезде казахское население составляло около 60%, а узбеки — только 30%. Но в Москве было принято решение передать г. Ташкент Узбекской ССР [8, с. 110].

Во-вторых, это Канимехский район Узбекской ССР, который был основан первоначально как Казахско-каракалпакский район. В 1926 г. в Канимехском районе узбеки составляли всего 18.8%, а казахи — 42.7%, еще 26.2% населения приходилось на каракалпаков и 10.2% — на арабов. То есть это была самая полиэтничная административно-территориальная единица во всей Средней Азии (индекс этнической мозаичности здесь превышал 0.7, что является крайне редким явлением).

В Казакской АССР, вместе с наиболее “славянизированными” Акмолинской губернией и Кустанайским округом, низкой долей титульного этноса отличалась также в 1926 г. Кара-Калпакская АО. Здесь доля каракалпаков составляла 38.1%, казахов — 28.1%, узбеков — 27.6%. В последующем Кара-Калпакская АО была преобразована в Кара-Калпакскую АССР, которая с 1932 г. вошла непосредственно в РСФСР, а в 1936 г. была передана в состав Узбекской ССР. В дальнейшем доля каракалпаков в АССР несколько снизилась, достигнув минимума в 1959 г. (30.6%), и при этом доля узбеков к 1970 г. превзошла 30% [14]. Вплоть до 1989 г. доля узбеков и каракалпаков в Каракалпакской АССР держалась примерно на одном уровне, немного превышающем 30% [15].

Опираясь на методику выделения основных компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства Средней Азии и Казахстана, разработанную нами по итогам переписей населения 1959, 1970 и 1989 гг. [14, 15], можно осуществить делимитацию этнокультурного пространства макрорегиона по результатам переписи населения 1926 г. (рис. 4).

Так, ярко выраженные этнические ядра национальных геоэтнокультурных систем (с долей титульных народов республик свыше 75%) охватывают лишь небольшую часть территорий Казакской АССР (в ее южной части), Узбекской ССР (в основном в

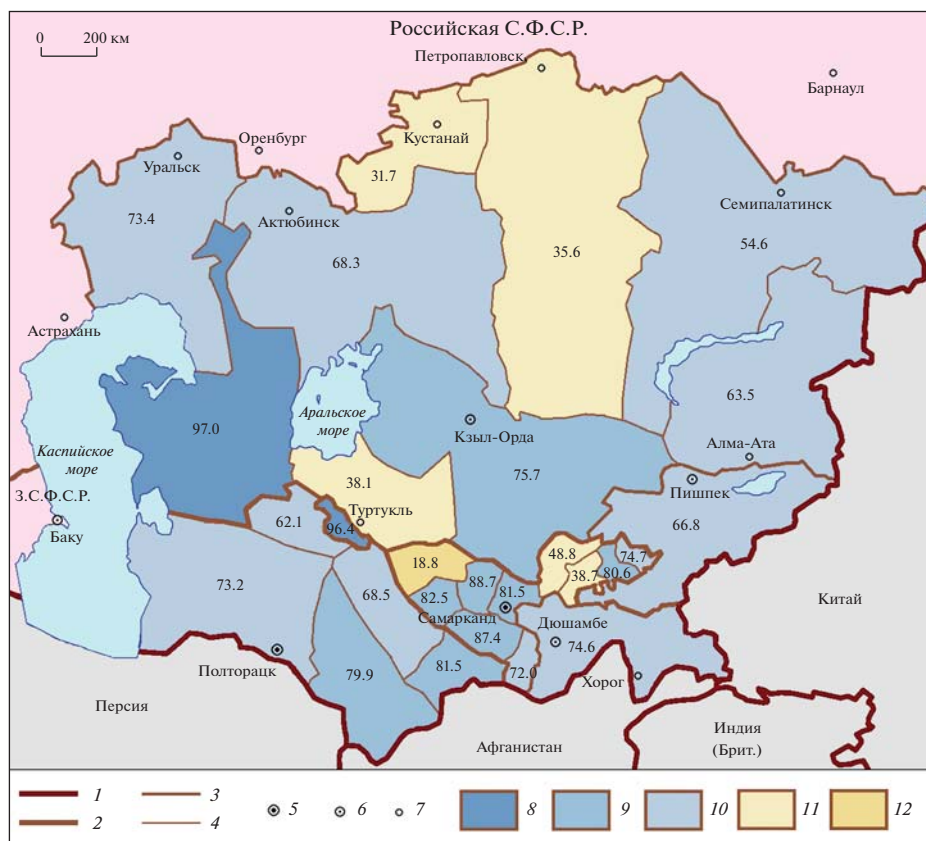

Рис. 3. Доля титульных народов в населении ССР, АССР и АО по результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Границы на 1926 г.: 1 – государств, 2 – ССР, 3 – АССР, 4 – губерний Казахской АССР, округов Узбекской и Туркменской ССР, автономных областей Казахской и Таджикской АССР; 5 – столицы ССР; 6 – столицы АССР; 7 – центры губерний и автономных областей; доля титульных народов в населении ССР, АССР и АО: 8 – свыше 90% (моноэтнические территории), 9 – от 75 до 90% (ярко выраженное этническое ядро), 10 – от 50 до 75% (этническое ядро средней выраженности), 11 – от 25 до 50% (слабо выраженное этническое ядро или этническая периферия), 12 – менее 25% (этнокультурное поле).

Fig. 3. The share of title nations in the population of the SSR, ASSR and Autonomous Regions according to the results of the 1926 All-Union population census Borders for 1926: 1 – states, 2 – SSR, 3 – ASSR, 4 – provinces of the Kazakh ASSR, districts of the Uzbek and Turkmen SSR, Autonomous Regions of the Kazakh and Tajik ASSR; 5 – capital of the SSR; 6 – capitals of the ASSR; 7 – centers of provinces and Autonomous Regions; the proportion of title nations in the population of the SSR, ASSR and AR: 8 – over 90% (mono-ethnic territories), 9 – from 75 to 90% (strongly marked ethnic core), 10 – from 50 to 75% (moderate ethnic core), 11 – from 25 to 50% (low marked ethnic core or ethnic periphery), 12 – less than 25% (ethno-cultural field).

центре республики) и Туркменской ССР (в восточной части). Остальную часть собственно территории Средней Азии покрывают средне выраженные этнические ядра национальных ГЭКС. Исключения составляют отмеченные выше Канмехский район и Ходжентский округ Узбекской ССР, полиэтничность которых рассматривается как результат наложения соседних национальных ГЭКС. Также к этой категории относится Кара-Калпакская АО Казахской АССР, хотя ее полиэтничность является од-

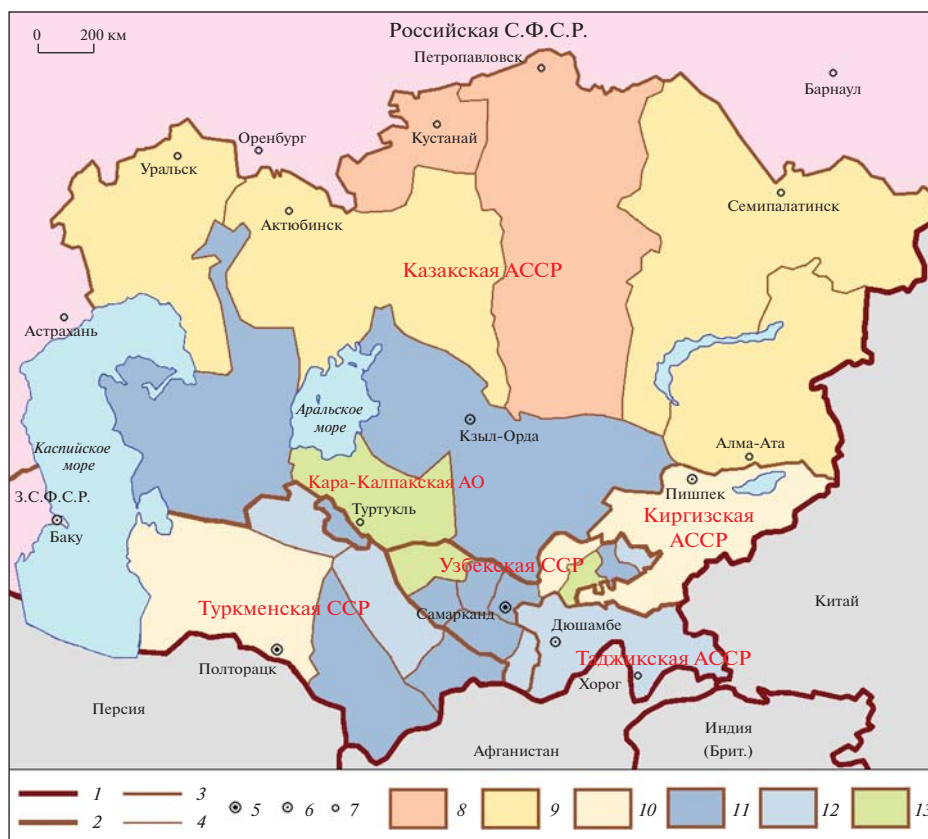

Рис. 4. Основные компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства Средней Азии и Казахстана по результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Границы на 1926 г.: 1 — государств, 2 — ССР, 3 — АССР, 4 — губерний Казакской АССР, округов Узбекской и Туркменской ССР, автономных областей Казакской и Таджикской АССР; 5 — столицы ССР; 6 — столицы АССР; 7 — центры губерний и автономных областей; компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства: 8 — внешняя (преимущественно русскоязычная) периферия Русской ГЭКС, 9 — средне выраженные ядра национальных ГЭКС с сильным влиянием Русской ГЭКС, 10 — средне выраженные ядра национальных ГЭКС со средним влиянием Русской ГЭКС, 11 — ярко выраженные ядра национальных ГЭКС, 12 — средне выраженные ядра национальных ГЭКС с сильным влиянием соседних ГЭКС, 13 — слабо выраженные ядра национальных ГЭКС (наложение национальных ГЭКС). Пояснения см. в тексте.

Fig. 4. The main components of the territorial structure of the ethno-cultural space of Middle Asia and Kazakhstan according to the results of the All-Union population census of 1926 Borders for 1926: 1 — states, 2 — SSR, 3 — ASSR, 4 — provinces of the Kazakh ASSR, districts of the Uzbek and Turkmen SSR, Autonomous Regions of the Kazakh and Tajik ASSR; 5 — capitals of the SSR; 6 — capitals of the ASSR; 7 — centers of provinces and Autonomous Regions; components of the territorial structure of the ethno-cultural space: 8 — the external (mainly Russian-speaking) periphery of the Russian GECS (geo-ethno-cultural system), 9 — moderate cores of national GECS with a strong influence of the Russian GECS, 10 — moderate cores of national GECS with moderate influence of the Russian GECS, 11 — strongly marked cores of national GECS, 12 — moderate cores of national GECS with a strong influence of neighboring GECS, 13 — weakly expressed cores of national GECS (overlay of national GECS). Explanations are in the text.

новременно свидетельством слабо выраженного этнического ядра Каракалпакской ГЭКС, т.е. низкой доли титульного этноса в своей национальной автономии. В дальнейшем эти этнически “спорные” территории сменили свою привязку к ССР (за исключением Канимехского района, оставшегося в составе Узбекской ССР): Каракалпакстан перешел в состав Узбекской ССР, а Ходжентский округ – в Таджикскую ССР.

В Казахской АССР два региона (Акмолинская губерния и Кустанайский округ) из-за высокой доли русскоязычного населения (русских и украинцев в 1926 г. здесь было в сумме свыше 50%) можно отнести к внешней периферии Русской ГЭКС. В остальных северных губерниях Казахской АССР доля русскоязычного населения превышала 25%, а титульного этноса – 50%, и они отнесены нами к категории средне выраженного ядра Казахской ГЭКС с сильным влиянием Русской ГЭКС. Несколько меньшее влияние Русской ГЭКС (при доле русскоязычных от 10 до 25%) испытывало средне выраженное этническое ядро Киргизской ГЭКС (вся территория Киргизской АССР). В ту же категорию были включены Ташкентский округ Узбекской ССР и Полторацкий округ Туркменской ССР.

Особо нужно рассмотреть территории, где средне выраженные этнические ядра национальных ГЭКС испытывали сильное влияние соседних ГЭКС. Другими словами, на этих территориях была высока доля “нетитульных” народов, являющихся, тем не менее, коренным населением Средней Азии. Например, в Таджикской АССР была высока доля узбеков (21.3%), в Андижанском округе Узбекской ССР была повышена доля киргизов (5.8%), уйгуров (3.9%), кипчаков (3.5%) и др., в Сурхан-Дарьинском округе Узбекской ССР – таджиков (19%), русских (3.5%), туркмен (2.7%) и др. В Ташаузском и Чарджоуском округах Туркменской ССР оставалась достаточно высокой доля узбеков (34 и 22.7% соответственно). Проведенное национально-государственное размежевание так и не смогло снять с данных административно-территориальных ячеек статус ярко выраженных этноконтактных зон.

ВЫВОДЫ

Результатом национально-государственного размежевания территории Средней Азии стало выделение титульных народов, которые обрели свои национальные автономии в виде республик (ССР, АССР) и автономных областей (АО). Но, кроме очевидных этнических ядер с высокой долей титульного населения, в каждой республике оставались территории, где был относительно низкий процент представителей титульных народов. Эти территории представляли собой этноконтактные зоны разной степени выраженности. В особенности это касалось территории современного Казахстана, где казахи составляли лишь 57.1% населения, а треть населения приходилась на русских и украинцев, доля которых была наиболее высокой в северной части Казахской АССР.

Еще ниже доля титульного этноса была в Кара-Калпакской АО Казахской АССР (38.1%). Иными словами, этническое ядро каракалпаков было слабо выраженным даже в пределах своей национальной автономии. Вторым и третьим народами в Кара-Калпакской АО были казахи и узбеки, причем примерно с равной долей (на уровне 27–28%), что привело АО к включению в категорию “спорных” территорий, и в последующем Каракалпакстан был выведен из состава Казахской АССР и передан в Узбекскую ССР.

Несколько выше была доля титульных этносов в Узбекской ССР (66%) и Киргизской АССР (66.8%). Если на территории современного Кыргызстана уже в то время была повышенной доля русских и украинцев (в сумме 18.3% населения), то в некоторых округах Узбекистана был высок процент населения, являющегося титульным в соседних республиках (например, таджиков в Ходжентском и Сурхан-Дарьинском округах, казахов в Ташкентском округе и Канимехском районе). Тем не менее, процесс

национально-государственного размежевания привел к значительному уменьшению этнической мозаичности большинства административных единиц Узбекской ССР.

Наиболее высока доля титульных народов была в Туркменской ССР (73.8%) и Таджикской АССР (74.6%). При этом в западной части Туркменской ССР была повышена доля русских, составлявших 7.7% всего населения республики, в северной и восточной частях — узбеков (10.8%). В Таджикской АССР, являвшейся в 1926 г. частью Узбекской ССР, была повышена доля узбеков (21.2% населения АССР). В дальнейшем, при образовании Таджикской ССР, в ее состав был передан Ходжентский округ Узбекской ССР, где доля таджиков в 1926 г. составляла 57.7% населения.

Таким образом, сложный национальный состав населения Средней Азии, полиэтничность значительной части территории макрорегиона, чересполосное проживание разных этносов и большое количество этнических анклавов (или, другими словами, господство этноконтрастных зон разной степени выраженности) не позволили национально-государственному размежеванию в первой половине 1920-х гг. в полной мере распределить основные народы Средней Азии по собственным государственным образованиям. В частности, оставалось несколько “спорных” территорий, поменявших впоследствии свою республиканскую принадлежность. Поэтому процесс национально-государственного размежевания на территории макрорегиона так и не был завершен в первой половине 1920-х гг. и растянулся на вторую половину 1920-х и 1930-е гг.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-05-00369 “Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашии С.Н.* Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии (проблема сартов в XIX — начале XXI в.). Дис. ... доктора исторических наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008. 354 с.
2. *Аламанов С.К.* Анклавы в Центральной Азии: история вопроса и современные проблемы // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 5. С. 451–460.
3. *Алибек С.Н.* “Вторая революция в Средней Азии”: присоединение Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей к Казахской АССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 106–108.
4. *Алимардонов М.У.* Средняя Азия и образование Таджикской АССР: национально-территориальное размежевание и автономия // Правовое поле современной экономики. 2015. № 12. С. 28–35.
5. *Бочкарева И.Б.* Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Изв. Алтайского государственного университета. 2019. № 2(106). С. 22–26.
6. *Зотова Н.А.* История расселения таджиков на территории Северо-Западной Ферганы. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2003. 232 с.
7. *Исмаилов С.С., Бисембаева А.К., Маканова А.Ж., Молдахметова Г.М.* Вопросы формирования национальных автономий в составе СССР в 1920-е годы (на примере Казахской АССР) // The Europe and the Turkic World: Science, Engineering and Technology Materials of the international scientific-practical conference. Editorial Board: Chairman of the Board S. Midelski. 2016. С. 308–313.
8. *Исмаилов А.И.* Из истории спорных территорий при национально-государственном размежевании в Средней Азии в 1924–1925 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 109–111.
9. Историческая география России: теория, методы, практика: Коллективная монография / Л.Б. Вампилова, В.С. Дементьев, А.Б. Елацков, Н.В. Каледин, А.Г. Манаков, А.А. Соколова, С.А. Тархов; Под общ. ред. А.Г. Манакова. Псков: Псковский государственный университет, 2019. 300 с.
10. *Калиева К.С.* Переписи населения как источник для изучения народонаселения Казахстана 1897–1926 гг. Дис. ... кандидата исторических наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 174 с.

11. Корженевский К.Б. Разграничение Омского уезда между Омской и Акмолинской губерниями в 1921–1922 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 25–33.
12. Корженевский К.Б. Формирование северной границы Казахской автономии в 1920–1921 гг.: переход Акмолинской и Семипалатинской областей в ведение Казахстана // Материалы и исследования по истории России. Нижневартовский государственный университет. Нижневартовск, 2017. С. 18–21.
13. Кушубеков А.Т. Основные тенденции в трансформации этнической структуры населения регионов Кыргызстана в советский и постсоветский периоды // Наука и новые технологии. 2008. № 7–8. С. 75–78.
14. Манакоев А.Г. Территориальная структура этнокультурного пространства Казахстана и Средней Азии по итогам переписей населения 1959 и 1970 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 1(41). С. 51–66.
<https://doi.org/10.37490/S221979310008534-0>
15. Манакоев А.Г., Хохрин А.Г. Трансформация этнического пространства Казахстана и Средней Азии между переписями населения 1970 и 1989 гг. // Псковский регионологический журн. 2020. № 2(42). С. 55–70.
<https://doi.org/10.37490/S221979310008580-1>
16. Манакоев А.Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII в. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.
17. Маметемин К.М. Этнографические исследования в Кыргызстане (1920–1930 гг.) // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 7. С. 217–220.
18. Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во МГУ, 1980. 168 с.
19. Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и проблема ареальной типологизации и периодизации. Автореферат дис. ... доктора исторических наук. М., 1993. 63 с.
20. Саипова К.Д. Этнодемографические характеристики Туркестанской автономной советской республики // Вестник развития науки и образования. 2015. № 4. С. 34–39.
21. Суцкий С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
22. Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. М.: Наука, 2004. 224 с.
23. Abashin S.N., Abdullaev K., Abdullaev R., Koichiev A. Soviet rule and the delineation of borders in the Ferghana valley, 1917–1930 // Ferghana Valley: The Heart of Central Asia. London, 2011. P. 94–118.
24. Esenova S. Soviet nationality? Identity and ethnicity in Central Asia: historic narratives and Kazakh ethnic identity // J. Muslim minority affairs. Abingdon. 2002. V. 22. № 1. P. 11–38.
25. Ferghana Valley: The Heart of Central Asia. / F. Starr (ed.). London, 2011. 442 p.
26. Kuru A. Between the state and cultural zones: nation building in Turkmenistan // Centr. Asian survey. Oxford, 2002. V. 21. № 1. P. 71–90.
27. Ubirova G. Soviet nation-building in Central Asia: the making of the Kazakh and Uzbek nations. Routledge: London, 2016. 272 p.

National-State Demarcation of Central Asia in the 1920s: a Modern View from the Position of the Concept of Ethno-Cultural Space

A. G. Manakov*

Pskov State University, Pskov, Russia

*e-mail: region-psk@yandex.ru

The national-state demarcation of Central Asia, carried out about a century ago, set the main trends in the transformation of the ethno-cultural space of the macro-region for almost the entire Soviet period. Some of these trends persisted in the post-Soviet era. To study them, one can rely on modern concepts of Russian cultural geography: geo-ethno-cultural systems, ethno-contact zones, ethno-cultural space, etc. The study identifies the main components of the territorial structure of the ethno-cultural space of Kazakhstan and the Middle

Asian republics based on the results of the 1926 All-Union population census. The impact of the national-state demarcation of Central Asia in the first half of the 1920s on the transformation of the ethno-cultural space of the macro-region is estimated. The administrative-territorial cells that retained their multi-ethnicity after demarcation were identified, as well as the “disputable” territories that changed their republican affiliation during subsequent state-territorial transformations.

Keywords: Central Asia, national-state demarcation, ethno-cultural space, geo-ethno-cultural systems, ethno-contact zones

REFERENCES

1. Abashin S.N. Jetnograficheskoe znanie i nacional'noe stroitel'stvo v Srednej Azii (problema sartov v XIX–nachale XXI v.). Dis. ... doktora istoricheskikh nauk. M.: In-t jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja RAN, 2008. 354 s.
2. Alamanov S.K. Anklavy v Central'noj Azii: istorija voprosa i sovremennye problemy // Postsovetskie issledovanija. 2018. T. 1. № 5. S. 451–460.
3. Alibek S.N. “Vtoraja revoliucija v Srednej Azii”: prisoedinenie Syr-Dar'inskoy i Semirechenskoj oblastej k Kazahskoj ASSR // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii. 2008. № 1. S. 106–108.
4. Alimardonov M.U. Srednjaja Azija i obrazovanie Tadžikskoj ASSR: nacional'no-territorial'noe razmezhevanie i avtonomija // Pravovoe pole sovremennoj jekonomiki. 2015. № 12. S. 28–35.
5. Bochkareva I.B. Nacional'no-territorial'noe razmezhevanie v Srednej Azii v 1924 g.: prichiny i vlijanie na jetnopoliticheskie processy v regione // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 2(106). S. 22–26.
6. Zotova N.A. Istorija rasselenija tadzhikov na territorii Severo-Zapadnoj Fergany. M.: Institut jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja Rossijskoj akademii nauk, 2003. 232 s.
7. Ismailov S.S., Bisembaeva A.K., Makanova A.Zh., Moldahmetova G.M. Voprosy formirovanija nacional'nyh avtonomij v sostave SSSR v 1920-e gody (na primere Kazahskoj ASSR) // The Europe and the Turkic World: Science, Engineering and Technology Materials of the international scientific-practical conference. Editorial Board: Chairman of the Board S. Midelski. 2016. S. 308–313.
8. Ismailov A.I. Iz istorii spornyh territorij pri nacional'no-gosudarstvennom razmezhevanii v Srednej Azii v 1924–1925 gg. // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii. 2008. № 1. S. 109–111.
9. Istoricheskaja geografija Rossii: teorija, metody, praktika: Kollektivnaja monografija / L.B. Vampilova, V.S. Dement'ev, A.B. Elackov, N.V. Kaledin, A.G. Manakov, A.A. Sokolova, S.A. Tarhov; Pod obshh. red. A.G. Manakova. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj universitet, 2019. 300 s.
10. Kalieva K.S. Perepisi naselenija kak istochnik dlja izuchenija narodonaselenija Kazahstana 1897–1926 gg. Dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2009. 174 s.
11. Korzhenevskij K.B. Razgranichenie Omskogo uezda mezhdru Omskoj i Akmolinskoj gubernijami v 1921–1922 gg. // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 4. S. 25–33.
12. Korzhenevskij K.B. Formirovanie severnoj granicy Kazahskoj avtonomii v 1920–1921 gg.: perehod Akmolinskoj i Semipalatinskoj oblastej v vedenie Kazahstana // Materialy i issledovanija po istorii Rossii. Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet. Nizhnevartovsk, 2017. S. 18–21.
13. Kushubekov A.T. Osnovnye tendencii v transformacii jetnicheskoi struktury naselenija regionov Kyrgyzstana v sovetskij i postsovetskij periody // Nauka i novye tehnologii. 2008. № 7–8. S. 75–78.
14. Manakov A.G. Territorial'naja struktura jetnokul'turnogo prostranstva Kazahstana i Srednej Azii po itogam perepisej naselenija 1959 i 1970 gg. // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2020. № 1(41). S. 51–66. DOI 10.37490/S221979310008534-0
15. Manakov A.G., Hohrin A.G. Transformacija jetnicheskogo prostranstva Kazahstana i Srednej Azii mezhdru perepisjami naselenija 1970 i 1989 gg. // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2020. № 2(42). S. 55–70. DOI 0.37490/S221979310008580-1
16. Manakov A.G. Jetnokul'turnoe prostranstvo Rossii: struktura i geodinamika s XVIII v. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj universitet, 2018. 208 s.
17. Mametemin K.M. Jetnograficheskie issledovanie v Kyrgyzstane (1920–1930 gg.) // Nauka, novye tehnologii i innovacii Kyrgyzstana. 2017. № 7. S. 217–220.
18. Poljakov S.P. Istoricheskaja jetnografija Srednej Azii i Kazahstana. M.: Izd-vo MGU, 1980. 168 s.
19. Poljakov S.P. Istoricheskaja jetnografija Srednej Azii i problema areal'noj tipologizacii i periodizacii. Avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk. M., 1993. 63 s.
20. Saipova K.D. Jetnodemograficheskie harakteristiki Turkestanskoj avtonomnoj sovetskoj respubliki // Vestnik razvitiya nauki i obrazovanija. 2015. № 4. S. 34–39.

-
21. Sushhij S.Ja., Druzhinin A.G. Ocherki geografii russkoj kul'tury. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNC VSh, 1994. 576 s.
 22. Ferganskaja dolina: jetnichnost', jetnicheskie processy, jetnicheskie konflikty / Otv. red. S.N. Abashin, V.I. Bushkov. M.: Nauka, 2004. 224 s.
 23. Abashin S.N., Abdullaev K., Abdullaev R., Koichiev A. Soviet rule and the delineation of borders in the Ferghana valley, 1917–1930 // Ferghana Valley: The Heart of Central Asia. London, 2011. P. 94–118.
 24. Esenova S. Soviet nationality? Identity and ethnicity in Central Asia: historic narratives and Kazakh ethnic identity // J. Muslim minority affairs. Abingdon. 2002. V. 22. № 1. P. 11–38.
 25. Ferghana Valley: The Heart of Central Asia. / F. Starr (ed.). London, 2011. 442 p.
 26. Kuru A. Between the state and cultural zones: nation building in Turkmenistan // Centr. Asian survey. Oxford, 2002. V. 21. № 1. P. 71–90.
 27. Ubiria G. Soviet nation-building in Central Asia: the making of the Kazakh and Uzbek nations. Routledge: London, 2016. 272 p.